

**Стихи я снова Вам пишу, хочу писать, пишу их снова...
Одно лишь только я прошу: вникайте в смысл, читайте слово.**

**Перо не кисть, не видно красок, не видно теней и оттенков,
Здесь может быть поменьше масок, но в строках будут ярче сценки.**

**Я опишу былые годы и с грустью вспомню о прошедшем,
Забудем прошлые невзгоды, с любовью вспомним об ушедших.**

**В тех строках Днепр и Мостовая, Болгач, Слободка с волчьим воем,
Взгрустнём, слезинку утирая, улыбкой грусть свою закроем...**

НОВЫЙ ГОД

**Я вспоминаю Новый год, с картона маски и игрушки,
Любил тот Праздник наш народ, гулянья, танцы и хлопушки.
Несли мы из лесу сосёнки, за скотобазой их пилили,
Их наряжали в дождик с плёнки, в игрушки яркие рядили.
В мешках лежали крестовины, в коробках старые игрушки,
Гирлянды , словно паутины, в бумаге звёздочки-макушки.
Цепляли птичек за иголки, с пластинок сделана прищепка,
Преображались наши ёлки и на полу стояли крепко.
Все рвали вату на снежинки и крестовину прикрывали,
На нитках вешали картинки, в прогалах ветки прибивали.
Конфеты, сушки, мандарины на чёрных ниточках цепляли,
На низ ложили апельсины, их из подарков тоже брали.
А «Гулливер» был украшеньем, под ним свисали вниз иголки,
Конфетам не было спасенья и от детей «страдала» ёлка.
Снегурочка и Дед Мороз, на шубе пояс из бечёвки,
И пусть у Деда сломан нос, но хороша его обновка.
А «внучка» с длинною косой уж сорок лет корону носит,
И заяц рядышком косой, а взгляд такой, как хлеба просит.
Гирлянда с трубочек дрожит, стекло от старости подтёрто,
Подсолнух тряпочный висит, листочки временем затёрты.
Початок жёлтой кукурузы – подарок «умного» Хрущёва,
Висит, где «груши» и «арбузы», на видном месте был он снова.**

*А папа лампочки паяет, потом их быстро будет красить,
Вся кухня в копоти, воняет, гирлянда двор должна украсить...
А в «Книжном» дождик подкупали и конфетти, огни, хлопушки,
Вино в «Продмаге» докупали, в «Железном» ложки, вилки, кружки.
На холодец варили ножки, из погребца несли соленья,
Копченья резали немножко, а в чашечки лилось варенье.
Все Праздник этот очень ждали и веселились, словно дети,
На ёлку в клуб всегда бежали, тот День – прекрасней всех на свете!
Красивый холл, и в холле ёлка, и Дед Мороз всех поздравляет...
Наивно, но с огромным толком он роль свою для нас играет!
По кругу бегают детишки, кто зайчик, белка, кто волчок,
Подарки дарят им и книжки, за мамой носится бычок.
И взрослые – они как дети - смеются, тоже веселятся,
Поймал их Праздник в свои сети и им игрушки тоже снятся.
А папы быстренько за клубом смакуют с горла «бормотушку»,
Нужду свою «сольют» под дубом, не портят место для пирушки...
А мамы тоже веселятся и от мужей не отстают,
Отдельно будут собираться и тоже чарочку нальют...
«Машина времени», «Земляне», «Мираж», Высоцкий, Толкунова,
Певцы родные – молдаване потянут в круг на танцы снова.
Но как же нам без нашей «Лирь», они всегда на первом месте,
И к часу ночи круг всё шире, и все танцуют дружно, вместе.
Летят спиральки, бьют хлопушки, шампанское везде стреляет,
Звезда сияет на макушке, по кругу лампочки моргают.
Открыты двери: душно, жарко, заполнен холл, везде танцуют,
Всё было красочно и ярко, и Праздник радость всем рисует.
Морозец крепкий, месяц ясный, и лёгкий падает снежок,
Как хорошо, и жизнь прекрасна, вчерашний недруг стал дружок.
А дома стол, семья и ёлка, огонь «бенгальский», радиолоа,
И шапка красная из шёлка, очки с усами для прикола.
«Ирония судьбы», концерты, часы двенадцать отбивают,
И Брежнев вечный – вождь бессмертный народ любимый поздравляет!
На улице гремят хлопушки, а рюмка водки – угощенье!
Блестят на ёлочках игрушки, от радости нам нет спасенья!
По улицам народ гуляет, а в клубе музыка и танцы,
На санках девочек катают, вчера катали их на ранцах.
На досточке лучок, селёдка и «оливье» лежит в кастрюльке,
В руках «ситро», бутылка водки и без голов на блюде тюлька.
Вот так ходили по соседям, любимый Праздник отмечали,
Яства ложились к общим снедам, так Новый год всегда встречали.
Под утро снег вокруг летает, все нагулялись, мирно спят...
Хлопушки больше не стреляют, снежки, как ядра, не летят.*

*В затишье Любеч окунувся, калитки настезь все открыты,
А пёс от скуки потянулся и кем-то варежки забыты...
Былое время надо помнить, такого счастья больше нет,
Потомкам будущим запомнить, что Любеч был в расцвете лет.
Я думаю, назад вернётся в былое время наш народ,
А Любеч спит, но он проснётся, в 12 встретит Новый год.*

У ЗАТОН...

*Іду до батька у Затон, він у цеху мене стрічає.
Там варять кнехти та пантон, він електроди дати має.
Над головою крутить кран, Поляруш секцію заносить,
Він у Затоні, наче пан, усі його що - небудь просять.
Куди не глянь - вогонь блищить , і зварка дуже очі ріже,
Хтось дуже голосно кричить, від крику він надірве грижу.
Ось на плаву я бачу ДОК, стоїть у ньому сіре судно,
Сповільнив я до нього крок, у праці всі, усюди людно.
Заводять баржі у Затон, щось каже радісно Матюша,
У березі стоїть паром, хтось дав мені солодку грушу.
Заліський ходить, Шаповал, Шерепа, Гусар, Македон...
Заказ з Болгарії – аврал! В Європі знають наш пантон.
Васильєв їде на ЗіЛу, він у футбол за Любеч грає.
Сергій, мій родич, як «Балу», залізо тоннами тягає...
Біжать краплини по вусах, Проява п'є холодну воду.
Хтось у бушлаті та трусах несе під берегом колоду...
Кравець на палубі стоїть, його буксир судно штовхає.
Дівчина берегом біжить, комусь бумагу дати має...
Готові секції везуть, зачистять їх - і під покраску.
Дівчата вже туди ідуть і на ходу вдівають маски.
Яка була тяжка робота, та ту роботу люди мали,
І про людей була турбота, і люди гарно працювали.
А батько вже мене шукає, несе у сумці електроди,
А син його під ДОКом грає, дубця получить в нагороду...
По Оболонню йду та плачу, поважно гуси рядом ходять,
Знайомих я своїх побачив, з криниці , як «чорти» виходять.
Я зняв штани, заліз у воду і теж грязюку замутив,
Занури в руки я під воду і карася за хвіст схопив.
І почалась моя рибалка, летять на берег щупенята,
Гребу грязюку, як грібалка, а ноги риють, як лопата...
І від муляки щоки чорні, з грязюки рибу вибираю.
Веселі, радісні, проворні уже піти додому маєм.
Та чую я, мене гукають, а голос мати добре чути!
І хтось із хлопців вже тікає, тут має щось «недобре» бути.*

*Товариш мій увесь трясеться, на носі піт тече холодний,
У грудях серце дуже б'ється, я бачу вже дубець «народний»...
Мій друг поліз назад у воду, заліз тихенько у багнюку,
Бульки ідуть від «насолоди», відчую зараз я «науку»...
Та щось на вухо підказало, а може, хтось сказав : «Стрибай!»
У воду щось мене загнало, я не казав «йому»: «Штовхай!»
Спокійно дуже мені стало, сидим по шию у воді.
Матуся звати перестала, її синочок у «біді»...
Не можем вилізти з криниці, і стала рідна голосить,
Змінились жалем наші лиця, ми стали матінку просить.
До неї вилізли з багнюки та мовчки разом підійшли.
В останню мить побачив руку і «радість» ми свою «знайшли».
По сраці свиснула лозина, товариш теж її відчув.
Я заревів, як та скотина, що аж Затон мене почув...
Схопив одержу, електроди, а свист знайомий «сили» дав,
Як пес мисливської породи в ту мить любого обігнав.
Товариш «вжарив» до дороги, пахнув від нього вітерець,
Мабуть, землі не чули ноги, він нісся лугом навпростець.
Дніпровський спуск, гора, городи, цибуля, стежка, ось і двір..
Мій пес дворової породи, в очах його добро та мир...
І так дитинство йшло «по волі», була і школа, і робота,
Другої ми не знали долі, у тім житті – одна смакота.
Озера, ліс були довкола, Дніпро з Головною, Лисиця,
А восени колгосп та школа, солома, сіно та копиці.
А у суботу клуб та танці, читальний зал, бібліотека,
По хліб у чергу рано- вранці з санками бігли до аптеки.
Футбол, хокей, у ліс на лижах, а мостова, як той Меде,.
Ніхто не мав від спорту грижу, а «СЛОН» був краще, ніж родео...
Назад би хтів я повернутись, дитинству здатись у полон,
Попутники мені знайдуться... Казкова правда, наче сон .*

НА РАЗЛИВЕ...

*Днепровский спуск, как змейка, вьётся, ведёт к Подольнице дорога,
Легко ситро с бутылки пьётся, его осталось там немного.
Гараж, колодезь и афиша, а дальше вербы, рядом лодки,
На доме дядька красит крышу, с газеты сделана пилотка.
Весенний ветер обдувает, и спину солнышко согрело,
И на разливе он играет, со свистом утка пролетела.
Открыт замок, все сели в лодку, облили кочеты водой,
Решили плыть мы до Слободки, затем пешком идти домой.
Над нами чибисы летают , и селезень вдали плывёт,*

*Стрижи над волнами играют, весна хозяйкою идёт.
Вот и Слободка, вот и плёсы, видны вершины тополей,
В кустах лозы травы наносы, мы слышим клёкот журавлей.
Они на Гряды прилетели, до холодов там будут жить,
Гнездо уже сложить успели, им надо яйца отложить...
А мы гребём руками воду, за борт ладони опускаем,
Нет, не даём ей быстро ходу, на мелях вёслами толкаем.
Вода прозрачна, всюду мелко, из лодки часто мы выходим,
Скамейки тёплые, как грелки, и по воде тихонько бродим...
А вон и Гряды, сушу видно, ольха растёт, лозы кусты,
Берёзки дальше, их не видно, осоки заросли густы.
Упёрлась в берег наша лодка, а дальше мы пешком идём,
Лежит топор - вот так находка - ещё быть можем что найдём!
А вон берёзки и дубочки напротив рядышком стоят,
Калинки куст, висят листочки, на нём три ягодки висят.
Идёт тропинка через Гряды, выводит прямо в Капащи,
Там камышей стоит преграда, тропинку больше не ищи.
Огонь костра съедает ветки, они минутою сгорают,
А пепел – «перья» от наседки, над нами хлопьями летает.
Куда ни глянь - и всё залито, спокойно всё, прекрасны плёсы,
Болота чёрные закрыты, и луг залит, где шли покосы.
До вечера мы там гуляем, печём картошку, жарим сало,
И старый мусор собираем, хотя его там очень мало.
Идём к сухому очерету, ломаем нежные метёлки,
Трещит в кустах сорока где-то и как всегда кричит без толку.
Проходим дальше вдоль разлива, вон кто-то дёргает кущи,
И видим рыбу мы в заливе, играют свадьбы там лещи.
Между собой боками трутся, под солнцем ярким нерестятся,
Нам кажется, что рыбы бьются, на самом деле – веселятся.
Вон селезень гоняет утку и очень часто птицу «топит»,
Настроен «парень» не на шутку, похоже времечко торопит...
Вон вяхири на ветку сели, они побольше сизарей,
Родные горлицы запели, они цари лугов, полей.
Везде летают осы, мухи, трёт крылья лапками пчела,
Проплыли рядышком лысухи, лапчатка быстро расцвела.
Между берёзок на полянке растёт повсюду сон-трава,
Она нежна, как мех ушанки, не подбрать к цветку слова.
А солнышко всё прогревает, по лозам ветерок бежит,
Дубки берёзки обнимают, под ними лист сухой лежит.
На блузах беленьких застёжки, свисают веточки косой,
Набухли почки, как серёжки, и сок не спутаешь с росой.
Пьянит весна холодным соком, лозой, разливом и песком,*

*Она идёт с речным потоком, шагает по лесу пешком.
Она к себе всё время манит и солнцем утренним зовёт,
Как пиво свежее, дурманит и что-то ласково поёт.
Весна, как детская колыска, рождает мир, даёт покой,
Как на печи горячей киска, урчит и трётся под рукой.
Весна даёт свободу с силой и мыслям придаёт смиренья,
Весной и пень красивый, милый, и он прекрасное творенье.
А вечером идём обратно, под Грядями оставив лодку,
Мы так устали, но приятно, идём неспешною походкой...
Вот крайний дом, и вот Слободка, песок прогрелся на дороге.
От Гряд наш путь сюда короткий и за день мы убили ноги,
Вот дядя Ваня со щенком у дома крайнего стоит,
Мы постояли с Усенком, никто на гору не спешит.
Пошли наверх, зашли в Пещеру, прохладно там, не глубоко,
Там Дух Святой пронизан Верой, и стены, словно молоко.
Бредём дорогой по оврагу, там корни голые свисают,
Идём по грязи шаг за шагом, на ноги глина налипает.
Плетётся кто-то за козю, и этот «кто-то» Рахманько,
Ведёт козлёнка за собою и ставит ноги широко.
На небо месяц вышел с «бабой», она с бессменным коромыслом,
Горит Венера, как награда, и первая на небе чистом.
Попили воду из колонки, дошли до дома Деревянка,
Шагает Хвостик за телёнком, а через двор идёт гулянка.
Вон дядя Павел Мовша едет, ему навстречу Кучерявый,
К соседу он сейчас подъедет, объехав лужу и канаву.
На лавочках сидят соседи, Дудко, Омельченко, Мороз,
Нам не понять о чём беседа, нельзя совать туда свой нос.
Сейчас домой, а завтра снова куда-нибудь гулять пойдём,
И пусть дорога та не нова, мы новое везде найдём.*

НІЧ ПЕРЕД РІЗДВОМ...

*Пришла до нас Різдвяна ніч, пухнастий сніг навкіл літає,
Нагріла хату груба й піч, а молодь по селу гуляє.
Засипав сніг усе село, не видно тину на городі,
Усі дороги замело, зірки горять на небосводі.
Рум'янець грає на щоках, а пальці гріють рукавиці.
«Зірки», торбинки у руках, поважно йде по даху кицька,
Хлоп'я у дзвоник задзвонив, і дітки хором заспівали.
Вікно господар враз відкрив, знайомі вірші залунали...*

Коляд, коляд, коляда, хай обходить Вас біда, І нехай на Ваш поріг прийде радість в Новий рік!

Щоб в добробуті цвіли, щоб щасливо Ви жили І щоб рік цей молодий Вам був кращий за старий. Друзів зичимо багато, щоб у будні та на свято Ваші гнулися столи, щоб здорові всі були!

*Голосно усі співають, на сопілках, гусях грають,
Хтось у бубен гучно б'є, а господар хліб дає,
Ковбасу, кусочок сала, а хозяйка грошей дала,
Тії радісно беруть, в кожній хаті діток ждуть.
«Зірку» дім любий стрічає, всім вона світити має.
Ніч відкрила небеса, звідти чутно голоса,
Ангели Христу співають, всі просити Бога мають.
Дать здоров'я для дітей, бачить у дворі гостей,
Хату, грошей чи малятко під Покрову на кроватку.
В тую ніч всі просять Бога, бо відкриті всі дороги,
Будуть всі його просити, за життя своє молити.
Йдуть «Зірки» по Україні, йшли колись та йдуть і нині,
Як раніше просять Бога, посівають на дорогу.
А дівчатка та хлоп'ятка понесуть свої колядки,
Будуть людям їх співати, цілу ніч на гусях грати.
Буде гучно йти весілля від Кукар і до Поділля,
Заспіває Гончарівка, Замок, Низ та Сидорівка...
Так було, і так ми жили, Богу діями служили,
Чемно тримали Пости, та казали всім :« Прости!»
Прийде час, і з ним щедрівка, заспіває Болгачівка,
Піде Свято по горі, будуть дітки у дворі,
Зірка над Дніпром засяє, та сопілочка заграє.*

МАСЛОЗАВОД...

*На заводе сепаратор в пять утра опять гудит,
Он, как старый трансформатор, чуть нагрелся и жужжит.
В бочках сливки и сметана, а в цистернах молоко,
Оно лилось как из крана, собиралось нелегко.
А машины из колхозов на приёмке долго ждут,
Вереницы тех обозов до въездных ворот ведут.
Проверяют содержанье, жирность, плотность молока,
Даже точку замерзанья и наличие белка.
Цех похожий на больницу, всё помыто и стерильно.
Пыли не найдёшь частицы, за порядком смотрят сильно,*

*Все в халатах и спецовках, в чистоте аппаратура,
Сыр в брикетах и головках, с парафина его «шкура».
Дозревает он в подвале, с датой он, пронумерован,
Был продукт тот в идеале, редко был он отбракован.
Принимала сыр столица, круглый ехал и в Европу,
Мы могли тогда гордиться, нас считали за холопов.
Масло, творог, и сметану, и кефир всегда в бутылках,
Продавали без обмана, нарезали масло жилкой.
Мельник, Мовша, Гончаренко, Яценко, Баглей, Залесский
Принесли заводу славу и сравниться было не с кем.
А теперь всё в паутине и разобран сепаратор,
Были проданы машины, ждут руины экскаватор.
В холодильник лёд не нужен и мороженое тоже,
Всюду грязь и масла лужи, и завод весь уничтожен.
Только время будет помнить дым с трубы и сепаратор,
Гул его всегда напомнит придорожный трансформатор...*

СВЯТКИ...

*Пісні співає Щедрий вечір, по хатах дітки разом ходять,
Торбинки жмуть худенькі плечі, із двору в двір вони заходять.
Щедрівки голосно співають, ходити будуть всі до ночі,
Господарі дітей вітають, у них від щастя світять очі.
Яскраво світять в небі зорі, а місяць їх охороняє,
Повітря чисте та прозоре, сніжок пухкий на низ сідає.
На Святки всім відкрите небо, до Бога шлях в ті дні відкритий,
Усім Його просити треба, покаже Він ,як треба жити.*

НА ЗИМНЮЮ РЫБАЛКУ

*На дворе мороз и вьюга, свет давно уже погас,
Греют кошечки друг друга, я в окно смотрю не раз.
Ветер снегом бьёт по раме, на сарае снега шапка,
За столом читает мама, папа подшивает тапки.
Мы собрались на рыбалку, завтра раненько вставать,
Я поставил лыжи, палки, надо вещи собирать.
Ящик собран, в нём мормышки, мотыли и тормозок,*

*Рукавицы, словно мышки, тюля старого кусок...
На рыбалке всё сгодится, тюль на ящик положу,
Утро жду, не очень спится, я в раздумиях лежу.
Рано утром мы в дороге, валянки толкают лыжи,
Всё под снегом, как в зале, к Капощам подходим ближе.
Словно яблоки, на ветке восседают снегири,
Иней на кустах, как сетка, видны отблески зари.
Очерет качает птичка, зацепившись за метёлку,
Скачут на снегу синички, замычала где-то тёлка.
Зайца след идёт по снегу, а за ним следы лисицы,
Он глубокий, не до бега, рыхлый, мягкий и пушится.
Лыжи тоже утопают, нам не хочется спешить,
Куропатки пролетают, хорь покоя мог лишить.
Рыхлый снег запрятал лыжи, и течёт по шее пот,
Мы до озера всё ближе, пух от шарфа лезет в рот.
Вот Кукарское как поле, рыбаки уже сидят,
Здесь живёт свобода с волей, красотой край объят.
Лёд от снега очищаем, бьёт пешня по кругу лунки,
И кивочить начинаем, потянув винца по рюмке.
Гнёт кивок и леску тянет, лещ с мормышкой играет,
Мотыля с крючка не стянет, голод рыбу донимает...
Подсекнул его легонько, подо льдом рыбаина водит,
Стал тянуть его тихонько, исполин наверх выходит.
Вынул серого из лунки, он широкий, как лопата,
За успех ещё по рюмке, рыба в этом «виновата».
В лунку прыгнула мормышка, и кивок опять кивает,
А рыбалку, словно книжку, рыбачок опять читает.
Окунь, крупная плотва, лещ, колючий судачок,
Вся подводная братва попадалась на крючок.
Снег на озере сверкает, залетают снегири,
Дух спокойствия витает, как над полем сизари.
Солнышко уже садится, нам не хочется домой,
Будет нам рыбалка сниться, снег и вербы под горой.
Будет сниться снег пушистый, лозы, кочки, очерет,
Зимний воздух очень чистый, озеро пришлёт привет!
Ну а дома - борщ и печка, и трещат в огне дрова,
У окна из воска свечка, на шкафу в пыли сова.
Было время то беспечно и, казалось, не пройдёт,
Но увы, оно не вечно, незаметно всё уйдёт.
Только память душу греет, Днепр, Старик, Кривая речка,
В голове от них светлеет, словно в комнате от свечки.*

НАД ПОДОЛЬНИЦУ ГЛЯЖУ

Над горою я сижу, солнышко теплом ласкает,
На Подольницу гляжу, там подвода проезжает.
Под горою старый дом, верба рядом в два обхвата,
Жил когда-то кто-то в нём, не видал хозяин злата...
Вверх идёт по мостовой с пастбища коровье стадо,
Машут часто головой и хвостами бьют по заду.
Словно выстрел хлещет кнут, а за ним со «смаком» слово,
Под шпилём хозяйки ждут и бегут туда коровы.
Лыска, Зорька и Красуля, Ночка, Радуга, Снежинка -
Все бегут к хозяйкам пулей, их глаза как на картинке...
Ищут губы хлеб солёный, им потрут рукой бока,
Оторвут кизяк сушеный, по спине пройдёт рука.
И пойдут домой коровы, их подгонят чуть лозинкой,
Ждёт их пойло из половы, яблок высыпят с корзинки.
Ну а я люблюсь дальше, вижу хаты, огороды,
Едет мотоцикл подальше, сунет не спеша по броду.
Марковец с работы едет, в форме чёрной, при погонах,
Быстро брод он не проедет, носит люльку на уклонах.
К 700 натужно тянет, по грязи идёт глубокой,
До песка сейчас дотянет и до суши недалёко.
По Днепру идёт «ракета», солнце начало садиться,
С августом уходит лето, дождь почаще будет литься.
Скоро выберут картошку, сено вывезут из луга,
Лист завянет понемножку, перепашут землю плугом.
Пересыпят пол иглицей, от мышей бурты спасая,
С погребов уйдут мокрицы, купороса избегая.
Все готовятся на зиму, собирая заготовки,
Будет слышен запах дыма, в стойлах будут жить коровки.
Дров напилят, и наколят, и уложат под сарай,
В ноябре свинью заколют, утром визг услышит край...
Утро, день, из года в год жизнь текла, и люди жили,
Был счастливым наш народ, жизнью люди дорожили.
Было время, но ушло, и осталось в прошлом стадо,
Что-то странное пришло, может, нам оно не надо?
На Днепре «ракеты» нет, пол Подольницы пустует,
Кран как с прошлого привет, над водой один тоскует.
Луг окутался в туман, по Днепру суда не ходят,
Это времени обман, прошлое под Замком бродит.

ТАМ ВДАЛИ ЛУГА И КРУЧИ

*А там, вдали, луга и кручи, за ними Днепр надрывно стонет,
Бушуют волны в нём кипуче, они под берег лодку гонят.
Но всё затихло, солнце светит, и волны лодочку качают,
Крылами чайка воду метит, стрижи у берега летают.
Тихонько вёсла подгребают и лодка волны режет носом,
Прохладный ветер набегаёт и гонит рябь по дальним косам.
Сидят влюблённые в той лодке и говорят слова друг другу,
Их вынес ветер на серёдку, кружа неспешно их по кругу.
Их там никто не подгоняет, и глаз других они не видят,
Влюблённых Днепр объединяет, они одних себя лишь видят.
А волны лодочку колышут, и вербы машут им ветвями,
Они от счастья громко дышат, дороги их сплелись путями.
Под берег их причалит лодка, пойдут они домой по лугу,
Неспешной, мягкой походкой, слова любви шепча друг другу.*

РЕДЬКОВСКИЙ СТАРИК...

*Я в Редьковском старике, щук мы ловим на дорожку,
Кто-то тролит вдалеке, может, сети ловит кошкой.
Третий час поклёвок нет, а погода просто шепчет,
Нос дюральки так нагрет, я на нём сижу, как кречет.
Ноги в воду опустил, руки-крылья растопырил,
Кремом плечи намастил, жар на миг утихомирил.
Всюду мелко, вижу дно и бобров в песке дорожки,
Понимаю лишь одно: надо лечь под дубом в лёжку.
Влез на берег лодки нос, вот и столик, и скамейка,
В дуб по шляпку гвоздик врос, в ямке мусор, телогрейка.
Кто-то меж дубков гудит, шершень желтый там хлопочет,
Кожа на плечах зудит, и желудок кушать хочет.
Разложили тормозок, одеяло постелили,
Водки выпили разок, больше в рюмки не налили.
На часок легли поспать, присоседился уют,
Жестковата нам кровать, от земли отвык народ.
Так проспали мы вдвоём, час, а может, быть другой,
Чаю с термоса попьём и сонливость как долой.
Вдоль осоки мы пойдём и половим на заброс,
В лопухи опять зайдём, проредим резняк, рогоз...*

Ноги лезут в мягкий ил, загрязняя мутью воду,
Я так часто там бродил в тёплый день и в непогоду.
Резкий свист, летит блесна, леска на воду ложится,
Не увидят щуки сна, им покой не будет сниться.
Вот удар, катушку рвёт, не могу держать я ручки,
На конце «акула» бьёт, как бревно, похоже, щучка.
Вышла рыба на свечу, мой товарищ аж присел,
Я катушку не кручу, в ней подшипник захрустел.
Полчаса со щукой бой в Старике том продолжался,
От волненья чуть живой, с монстром долго я сражался.
В ней пятнадцать килограмм, зубы, словно клюв сороки,
Там таких немало «дам», рыбакам дадут уроки.
В четверть ширины спина, а глаза, как три копейки,
Брюхо – полная луна, а размером, как скамейка.
Там ловил немало щук, окуней горбатых тоже,
Но не толще своих рук и поменьше с тоньшей кожей.
Видел норку, выдру, зайца, волка, рыжую лисицу,
Уток, куропаток яйца, луня, вяхиря, синицу...
Тот Старик, как заповедник, процветает буйство трав,
Красоты он исповедник, я летел туда стремглав.
Сохранить то чудо нужно, он жемчужина природы,
Делать это надо дружно, красоту сберечь на годы.

КРИЛА ДОЛІ...

Несуть країну крила долі, під небом синім вона плаче,
Горять хліба її у полі, та кінь багряний всюди скаче.
Від сліз промокли вишиванки, пожовкли липи та смереки,
Окопи, смерть, стріляють танки, у гніздах не стоять лелеки...
Не бачать люди знову долі, вона занедьбана панами,
Загнали волю до неволі, тепер, мабуть, придуть за нами.
Де знов шукати кращу долю? В чужих краях блукають люди,
Їх їжа зварена із солі, у матерів засохли груди.
Несуть країну крила долі, та кине з неба Бог пшеницю,
І вийдуть всі у рідне поле, Господь польє з небес водицю.
Земельку сонечко зігріє, роздвине землю красень – колос,
Він проросте, він це зуміє, зозулі ми почуєм голос.
Потонуть у болоті танки, та люди вернуться додому,
Надінуть знову вишиванки, життя відновиться у ньому.
Прекрасні виростуть смереки, погонять скот по полонині,
Закинуть голови лелеки, засяє сонце в Україні.
Почуєм соловейка в гаї, в Карпатах загуде трембіта,

*Вона казати гучно має, що люди будуть краще жити.
Блакитне небо та пшениця, на Прапорі тризуба воля,
Для нас вони - жива водиця та символ миру, віри, долі.*

ОКТЯБРЬ

*Лист покрылся жёлтой краской, холод плечи обнимает,
Шустро крутит кольца ласка, мышь под корни убегает.
Змеи кольцами сплелись, в пнях сухих лежат клубками,
Две сосны в одну срослись, их нельзя обнять руками.
Стал кровавым барбарис, вниз висят его серёжки,
Ходит рядом старый лис, ищет заячьи дорожки.
Стадо шумное свиней дуб стеною окружило,
Голод их пригнал с полей, корма нет, земля остыла.
По траве прошёл мороз, жёлтый лист орех оставил,
Не гудит кубло из ос, холод их уснуть заставил.
Лес не мажется смолой, солнышко стволы не греет,
Жук не точит под корой, семена трава не сеет.
Осень с холодом идёт, гуси клином пролетают,
Жаворонок не поёт, травы тихо засыпают.
Старый лес укроет ночь, ветер до утра затихнет,
День ушёл под вечер прочь, суета в ночи утихнет.
Ну а утренний мороз принесёт в лукошке осень,
Вся слетит листва с берёз, иней всё укроет в проседь.*

ДНЕПРОВСКИЙ ЗАКАТ...

*Днепр багровый на закате, и вода, как молоко,
Ловит раков сом усатый на мели неглубоко.
Повылазят те на сушу, от усатого бегут,
Тёплый ветер панцирь сушит, клешни яростно стригут.
Сом тихонько проплывает, над волною хвост торчит,
Брюхом ракушки сгребает, воздух из песка шипит.
Судаки на мель выходят, густеру зубами рвут,
В глубину лещи уходят, под кустами щуки бьют.
Сыпанул малёк как жито, окунь видно не достал,
Он наверно очень сытый или жировать устал.
Днепр течёт, садятся утки, шум от крыльев над водой,
Вечером всё очень чутко, месяц вышел молодой.
За Головкой бакен светит, на мысу стоит маяк,
Чьё-то судно он заметит, рындой даст сигнал моряк.*

*Засыпает Золотарка, тяжело днём от буйных волн,
Днём там было очень жарко, на песке разбитый чёлн.
Ночью в озере рыбачат, ставят сети рыбаки,
Рыбинспекцию дурачат, попадаться не с руки.
А у домиков на сваях у костров народ сидит,
Чей – то пёс надрывно лает, смех кого-то веселит.
Баржи на тросах застыли, в полудрёме док, Затон,
Палубы на них остыли, окунулся Любеч в сон.
Только запах жёлтой липы над Подольницей кружит,
Варакуши слышны всхлипы, лишь одна она не спит...*

ДАВАЙТЕ БУДЕМ УЛЫБАТЬСЯ...

*Нам нужно чаще улыбаться и чаще верить в чудеса,
Весенним утром наслаждаться и слушать птичек голоса.
Давайте в паводок весною по плёсу в лодке проплывём,
Упьюсь ландыша красою и сока сладкого попьём.
Давайте пробежим по лугу, сорвём ромашку на ходу,
Обнимем радостно друг друга, покормим уток на пруду.
Давайте горести забудем, в дубраву сонную зайдём,
И солнцу улыбаться будем, навстречу радости пойдём.
Попросим шишку у сосёнки, погладим пальцем крепкий гриб,
Обнимем иву, как сестрёнку, спугнём под ней пугливых рыб.
Травинкою погладим крылья в цветке снующего шмеля
И полетим за ветром с пылью, и ляжем с нею на поля.
Пройдём по золотой пшенице, потрём в руках созревший колос
И улетим на небо птицей, к себе зовёт нас чей-то голос.
Давайте будем улыбаться, дарить любовь, тепло друг другу,
Короткой жизнью наслаждаться, пустив любовь с добром по кругу.*

ВОЕННЫЙ ГОРОДОК...(Любеч-1)

*Военный вспомним городок, солдат, снующих в лётной форме,
Улыбки, «честь» под козырёк, развал страны, её реформы...
Но вспомним прошлые года, Рассудов, Любеч, Скитьки, Клонов,
Ушло то время без следа, без слёз, тоски и громких стонов.
Висел над миром страшный груз, ракеты, бомбы встали рядом,
И под угрозой стал Союз, угрозу эту видеть надо.
Поднялась станция «Дуга», из леса выросли антенны,
Она как бомба для врага, она как нож у самой вены.
В ней вложен «УМ» со всей страны, аналогов нет больше в мире,
Ей мега мощности даны, она, как пушка, в детском тире...*

*Аляска, Штаты, полюса, всё было словно на ладони,
И космос, звёзды, небеса, и вертолёт на горном склоне.
В тех залах гул и чистота, насосы «пьют» со скважин воду,
Людей не слышны голоса, хотя десятки там народа.
Процесс идёт, как автомат, идут, как импульсы, команды,
Там собран с техники парад, мигают лампы, как гирлянды.
Там собраны со всей страны и техники, и инженеры,
Они - Отчизны той умы, и в той работе пионеры.
Идёт всё чётко на местах, легко читают карты, схемы,
Там цифры, знаки на листах, прочесть нельзя нам те «поэмы».
Канада, Северный Китай, и самолёт над небом Сены,
Америки далёкий край увидит импульс той антенны...
«Дуга» - глаза для всей страны, она – «всевидящее око»,
Спустила недругу штаны, для «полосатых» стала шоком.
Но вспомним всё же городок, красивый клуб, пятиэтажки,
И школу, садик, и звонок, вдали санчасть- одноэтажку.
И вспомним офицерских жён, людей с соседних деревушек,
И возле клуба старый клён, на хоздворе весёлых хрюшек.
Но службу, утренний развод и патрули – ну как не вспомнить,
В саду детишек хоровод и кочегарку надо помнить.
А у дороги гаражи и, как картинки, огороды.
Теперь всё это – миражи, которые создали годы.
Там были наши земляки и тоже правдою служили,
В своей работе знатоки и честью очень дорожили.
Клевец, Олейник, Македон, и Криволап, и Коливошко,
Глубокий им земной поклон, фамилий больше – здесь немножко...
Пашко, и Фидель, Валя Кишка, и Хрыкова, и строгий Бонер,
Уроки, классы, дети, книжки, не видел я на лицах гонор.
А Саша Кишка, Валин муж, был очень сильный инженер,
В работе он не видел «стуж», умом своим был всем Пример!
Я вспоминаю «военторг», жену в нём Коли Коливошка,
Вела она активно торг, там было всё и понемножку.
А Коля, «старый партизан», мог хвост поджарить даже волку,
Его двустволка, как «наган», охотник он с огромным толком.
В тот городок из деревень так просто в гости приходили,
Солдатский с бляхою ремень, дедульки на штанах носили.
Жиры, Валера Лесовой, Антоненки и Коваленки -
Все шли туда, как в дом родной... Чуть не забыл за Осипенка!
Носили сало, самогон, картошку, лук, морковь, петрушку,
Кто молока привёз бидон, кто яйца кур или несущку.
И процветало там добро, и дружба сильно процветала,
Они - как лёгкое вино, его всё время было мало!*

*И как не вспомнить Деркача и вечный на губе окурок,
Он не снимал бушлат с плеча и не снимал бессменных бурок.
Доценко, «Борман» и «Негрол», кто там служил, их тоже знали,
За гаражами был котёл, частенько с ними отдыхали.
Они могли всегда помочь и помогали бескорыстно,
Им не была преградой ночь, похоже, лень им ненавистна!
«Швейцарией» был городок, он был цветок на Украине,
Он был, как свежий ветерок, и он живёт в сердцах и ныне.
Он в памяти простых людей и в памяти сейчас живущих,
Нельзя забыть нам прошлых дней, в хорошее теперь зовущих.
Нельзя забыть ту Мощь страны, «ДУГУ» - прекрасное создание,
Её «убили» без вины, потомкам видно в «назиданье».
Такое больше не создать, она была подобно чуду,
За гривну – ЗОЛОТО ПРОДАТЬ – всё превратив в обломков груду.*

БОЛЬНИЦА...

*Облезла старая больница, на входе вазы потемнели,
Но всё же вижу в прошлом лица сквозь годы, зимние метели...
Осадчий, Бурба и Пинчук, хирург Козловский и Поречный,
Им жали руки сотни рук и будут помнить лица вечно.
Всегда серьёзный Воробей и чуть застенчивый Крылов,
Снимали боли у людей и помогали всем без слов...
Супругу вспомним Пинчука, для нас всегда тётя Лариса,
Тепла, нежна её рука, она красива, как актриса.
Всегда согреет стетоскоп, от боли отвлечёт улыбкой,
Попробует горячий лоб - и вот диагноз без ошибки.
Осадчий – старый фронтовик, он видел смерть на поле брани,
Я помню строгий, добрый лик, хотя сейчас он как в тумане...
Солдат побитых он спасал, хирург военный как Герой!
Под маской губы он кусал и сутками не спал порой.
Ушла его из жизни дочь, её больница тоже помнит,
Ей не смогли уже помочь, её нам надо вечно помнить.
Хирург Козловский и Пинчук, и им даны от Бога руки,
Хоть скальпель их творенье рук, но он срезал людские муки.
Как тяжела зубная боль, а Бурба от неё спасала.
Жуёшь от боли даже соль, лишь бы её на миг не стало.
Один укол - и боли нет, и через час слетаешь с кресла,
В стихах ей шлю большой привет, в моей душе ей много места!!!
Роддом цветёт от малышей, палаты, рядом хирургия,*

*У пап улыбки до ушей, в хмелю они от злого «ЗМИЯ»...
И как не вспомнить Соломаху, его прекрасную жену,
В больших очках, глаза без страха, часы похожи на луну.
Найдётся место для Крылова, он буден вечен в этих строках,
Он в храме пел, поёт он снова и тихий словно на уроках.
Само добро его супруга, она как образ терапии,
Они всегда везде друг с другом, лечить людей - то их стихия.
Шевченко, Чирзская, Божок и с ними Заяц, Полторацкий,
Их бы увидеть хоть разок и получить укол у Шацкой.
Ушло то время далеко, но помню я свою больницу...
Былого нет, но мне легко, я вижу в ней родные лица.*

ЦЕРКОВЬ...

*Мы с мира деньги собирали и возродили миром Храм,
Святыни стены долго спали, был сгнивший пол и в кучах хлам...
Сидели голуби на крыше, мышей летучих жили сотни,
И воробьи сидели в нишах, дерьмом забита подворотня.
Вся крыша ржавчиной покрыта, и Крест Святой был кем-то сброшен,
На годы было всё забыто, но не был Дух Святой отброшен.
Вокруг всё жило и кипело, а там смирение и покой,
И в той разрухе что-то пело, и Благодать текла рекой.
Ходил туда я очень часто и обводил глазами стены,
Я попадал в букет контраста, вливался Дух смирения в вены.
У Алтаря я помню Лики, написаны умело краской,
Они Святого Духа блики, в глазах была любовь и ласка...
На окнах голуби сидели и очень тихо ворковали,
В проёмы голые смотрели, там будто Ангелы летали.
По лестнице я поднимался, душа звала меня под своды,
И там я в мыслях забывался, там мир другой, своя погода...
Так годы шли, и жизнь кипела, и Храм своею жизнью жил,
Не ждал такого он удела, свой Крест достойно он носил...
Но всё же время скоротечно, для всех прозрение пришло,
Ему в тоске стоять не вечно, что было раньше, то ушло...
Леса стоят, идут работы, глаза у всех огнём сверкают,
И от субботы до субботы наш Храм в одежды одевают.
Заменен пол, сверкает крыша, и Крест Святой поднялся в небо,
И Херувимы сели в ниши, стал Храм Святой Духовным хлебом!
Я слышу снова Символ Веры, Апостолов Святых Деянья,
Нельзя измерить Веру мерой, в ней гибнут страсти и страданья!
Там плачут стоя на коленях, Причастье очищает душу,*

*Святых везде я вижу тени и Библию охота слушать!
На лицах вижу утешенье, под сводом Ангелы летают,
Их кружит вихрем певчих пенье, им Херувимы помогают.
Душа от радости поёт, там получаешь облегченье,
Господь по Вере нам даёт, кому покой, кому терпенье...
Защитой будет людям Храм, и Любеч тоже под защитой,
Побольше бы смиренья нам, Господь не любит жизни сытой.
Я тоже мог принести и зло, кого-то ласкою овеять,
Но жить нельзя, где бродит зло, любовь одну лишь надо сеять.
Мне хочется добро вдохнуть, испить вина из правды чаши,
И, опьянев, навек уснуть, быть может мёртвым стану краше...*

ПЕКАРНЯ...

*Гремят колёса по брусчатке, везёт лошадка будку с хлебом,
Блестит под солнцем обод гладкий, стрижи кружат под синим небом.
Идёт возница за телегой, лежат поводья на сидушке,
От будки пахнет тёплым хлебом, ещё горячие горбушки.
Подъедет будка под «дежурный», с двери выходит Андрушок,
И как всегда встречает бурно, ждёт крошки пёстрый петушок.
Лотки ложатся на прилавок, в них чёрный хлеб и рядом «сайки»,
Плетёный с косами вдобавок, народ травил у будки байки.
За хлебом очередь стояла и всем всегда его хватало,
В достатке там его лежало, пекли его всегда немало.
Тринадцать чёрный, двадцать белый, вовеки ценам не подняться,
Он сверху был чуть подгорелый, за корочку приятно взяться.
Опять обратно на погрузку, а там и «хлебный», сушзавод,
И каждый день приём, разгрузка, ведь кушать хочет наш народ.
Возили хлеб по ближним сёлам, грузили в «химию», Затон,
Детишкам брали в сад и школу, варили хлебный самогон.
Шёл дым с трубы, мешалось тесто, муку к порогу подвозили,
Там не было простою места, хлеб постоянно увозили...
Ездовый Кравченко Володя, Зав. Производством Усенок,
Им честь была в простом народе, Баглей в почёте, Клименок!
И Игнатенко, и Приходько, Кальпета, Ковшик, Нина Мельник,
Резан, Шульга, Сердюк, Решотко, Попкова Даша, Люда Ледник...
А Юля-пчёлка, как метёлка, трусила грязные мешки,
Халат в муке, как соткан с шёлка, и нет там время для тоски.
Нельзя забыть нам тех фамилий, нельзя забыть и их имён,
Они прекрасны без идиллий - и им родным ЗЕМНОЙ ПОКЛОН!
Я помню «сайки», запах хлеба, лошадку с будкой, и возницу,
И чёрный дым с трубы до неба, в муке ржаной их руки, лица.*

*Я помню «хлебный» и «дежурный», ларёк в стекле на сушзаводе,
И крик возницы нецензурный - слова известные народу!
Хрустящую я помню корку, и молока с лодыжки кружку,
И на окне в дежурном шторку, и на возу с мешка сидушку.
Вкус хлеба с солью буду помнить, полит был маслецом пахучим,
Потомкам надо лишь запомнить: те годы были всё же лучше...*

КАК ЖИЛИ МЫ И ЧТО ИМЕЛИ, К ЧЕМУ ПРИШЛИ, КУДА СМОТРЕЛИ...

*Я вспоминаю всё порой: колхоз, детсад, быткомбинат,
Известный всем межколхозстрой и на ноябрьские парад!
Я вспоминаю тех людей, что просто жили среди нас,
Без чванства пафосных идей, без превосходства «звёздных» рас.
Я вспоминаю гул машин и дым из труб у кочегарок,
И на полях лохмотья с шин, Газоны, прощя иномарок.
Я буду помнить как давно мы пили квас из жёлтой бочки,
Смотрели старое кино, на сеновале спали ночку.
Та жизнь была, как добрый сон, прошёл, как миг, но был, как чудо,
И где-то тихо бродит он, возврата нет ему оттуда.
Ну что ж, я в прошлое опять уйду за рифмой и словами,
Мне нужно с памяти всё взять, мой мозг не стёр её с годами.
Я вижу наш межколхозстрой, Петровскую, Крупеник Люду,
И Смаль – Директор не простой! Он видел всё, ходил повсюду.
И Свердлик Витя, Клименок, Сумишко Юрий и Фоченко,
Калинко, Шацкий и Рябок, Олифер Женя, Осипенко.
И Шаповал, и Коршун Миша, и Пятикоп, и Коршун Зоя
Пилили лес, латали крыши, не дало время им покоя.
И фермы, школы и кошары, в грязи тяжёлые работы,
Сейчас Мысы, вчера Кукары, и от субботы до субботы.
Холодный дождь, мороз и вьюга, везёт машина по колхозам,
И так возили их по кругу, колёса смазаны навозом.
Путёвки, премии, зарплаты, и уважение с почётом,
Достойной были людям платой, их труд расписан был по «КЗОТу».
Должны людей мы этих помнить, во многих их хозяйствах знали,
Одно лишь надо всем запомнить: они в бессмертие попали...
И в ясли мы сейчас заглянем, кто там работал, вспомнить надо,
Кого уж нет, того помянем, десятки лет нам не преграда.
Всегда в тех яслях место было, зимой тепло и даже жарко,
Добро в стенах с любовью жило, всё скромно было и не ярко.
Горшки зелёные, игрушки, и полотенца с петушками,*

*Из пуха мягкие подушки, и клумбы ровными кружками.
Детишек утром приносили и няням в руки отдавали,
Им денег, взятки не носили, любовь для них не покупали.
Там тётя Соня Деревянко и Лиля Пучин, Шаповал,
Для них работа - не гулянка, и каждый день сплошной аврал.
Науменко детей накормит, и в три часа уснут детишки,
Бумаги медсестра оформит, а няни доедят излишки.
И Денисенко тоже вспомним, и с ней Кирееву Галину,
И кто там был, мы всех запомним, и те года, и ту «рутину».
Иду я дальше по дороге: «железный», банк, быткомбинат,
Стою у «швейной» на пороге, я не хочу идти назад.
На «тридцать два» мы клёши шили, бельё и простыни, рубашки,
Машинки громко там строчили, ремни гудели от натяжки.
Там галифе отцу пошили и с ними серую фуражку,
Тогда их многие носили, мне вспоминать об этом тяжко.
Я помню запах льна и шёлка, столы закройщиков, линейки,
В рулонах ткань на серых полках и стоила она копейки.
И Кривопуск и Титенок, и с ними Матвиенко Валя,
И Шаец, Скопич и Звонок, и Тищенко я помню Галю...
Но многому пришёл конец и развалился наш Союз,
В то время Нина Москалец, рискнула взять тяжёлый груз.
Там шили куртки, рукавицы, для многих любечан работа,
Не все там были мастерицы, пришлось с ноля учить кого-то...
Сапожная через дорогу, был небольшой быткомбинат,
Там шили обувь понемногу, людей тех в прошлом видеть рад.
Сапожный клей, щипцы, колодки, скамеек верх обтянут кожей,
И на стенах в пыли проводка и запах курева в прихожей.
Вонючий запах козеина, носков заглушит «аромат»,
Варился он с рогов скотины, работать с ним никто не рад...
И дядя Саша Шаповал, часовщиком бессменным был,
Отец часы мне купал, его часы я не забыл.
За пять рублей носил я «Славу», из кожи чёрный ремешок,
Гордился ими я по праву, по ним спешил я на урок.
«Зенит», «Восход», «Ракета», «Чайка», «Полёт», «Победа» и «Восток»,
Пусть в толщину они как гайка, но двадцать лет им был не срок...
И Короля нам надо вспомнить, и фотостудию его,
Конечно всё нельзя запомнить, но Любеч «голый» без него.
На комсомольский, паспорт фото, «зенит» его нас всех снимал,
И в том его была работа, любой его с посёлка знал...
Пройти хочу на сушзавод, вдоль «голубого» и больницы,
И там работал наш народ, судьбы исписаны страницы.
На сушзаводе Богуш Миша и Катя Доба, Ледник Валя,*

*Мороз, Павленко, Богуш Гриша, Бобровник, Рак, Савоник Ваня.
Назаренко и Лавриненко, Кальпета, Седляр, Денисенко,
Людмила Фурса, Гончаренко, Антоненко, Пономаренко.
Кравец, Торчишник, Бондаренко, Тамара Фурса, Чириченко,
Красавец – Юра Игнатенко, Сердюк и Надя Борисенко...
Я низко голову склоняю и вижу их родные лица,
Их очень часто вспоминаю, они как отблески зарницы...
На перекрёстке, «харьковчан» я вижу старые бараки,
Развал прошёл как ураган, он хлеще танковой атаки...
Забыт давно и рыбколхоз, не продают и щук в «дежурном»,
На поле не лежит навоз и свадьбы не проходят бурно.
И трубы больше не дымят, быткомбинат теперь не нужен,
Пришёл «убожества» парад, неся с собой мороз и стужу.
Чего нам в жизни не хватало? Была работа и покой,
Но вдруг чего-то стало мало, другая жизнь пошла рекой.
Затона нет, и базы тоже, колхоз забыт, маслозавод,
Быткомбинат весь уничтожен и брошен в нищету народ!
Рубли, десятки и копейки, рассрочки, в школах молоко,
Батист, кримплен и телогрейки, с карманом чёрное трико.
И в нашей жизни это было, и этой жизнью жили мы,
И в миг один от нас уплыло, пришла пора холодной тьмы.
Так что нам в жизни не хватало? Ведь был достаток и покой,
Другая жизнь их всех забрала, как в омут сбросила рукой.
Но верю я, родится Чудо! И Любеч снова будет жить!,
Вернётся доброе «оттуда», хорошее нельзя убить!!!*

ВЕТЛЕЧЕБНИЦА...

*Веду Пушка я на прививку, под каждый куст ныряет пёс,
Потёртый хвост и шерсть в «завивках», хватает воздух мокрый нос.
Меня он тянет за верёвку, собаки нас встречают лаем,
Я отгоняю их бечёвкой, в пустой проулок забегаем...
Вот ветлечебница и двор, станок, сарай и рядом сани,
Бетонный пол и коридор, и чёрный шланг висит на кране.
С фанеры кресла как и в клубе, пинцеты, ножницы в стакане,
Гуляет кот в мохнатой шубе и мокрый пол как – будто в бане.
В станке корову привязали, порез глубокий под коленкой,
У стойла лошади заржали, дедок с козой стоит у стенки.
В халате белом – Игнатенко, в руке щипцы, идёт к подводе,
Трясёт баллончик с биопенкой, кричат вороны к непогоде...
Хозяин держит поросёнка, клыки растут и режут щёки,
Ломают их щипцами звонко и у свиней свои пороки...*

*Стоит корова – вздуто брюхо, от клевера оно раздулось,
Под дверь пёс с распухшим ухом, Мария Федь над ним нагнулась...
За уши я держу собаку, шприц наполняет Тимошок,
А он рычит и лезет в драку, уж слишком «грозным» стал Пушок...
Ввела иголочку под шкуру, в секунду шприц опустошив,
И он рванул по кругу с дуру, людей в том зале насмешив...
Кахерский возится с машиной, работу делает спокойно,
Что влезть в мотор, что склеить шину, он похвалы всегда достойный...
И Игнатенко, Федь Мария, и с ними Люда Тимошок,
Смогли б пришить и ногу «змию», и блох с собак собрать в горшок...
Осмотр скота на скотобаза, прививки коз, коров, коней,
Никто не слышал об отказе, они и ночью у свиней...
«Чума» и «Ящур» под контролем, и сотни, тысячи прививок,
Они на фермах, стойлах, в поле, награда им – поллитра сливок...
Им в каждом доме были рады, отёл коров, забой свиней
И большей не было награды, чем взгляд здоровый у коней...
И не было у них хоров, худой в кармане кошелёк,
Без нареканий, лжи и стонов, их жизнь цвела как василёк...
Сегодня врач – Трихлеб Наташа, всех тех людей как отраженье,
Она сейчас – спасенье наше и всем помочь – её стремленье...
А тех врачей мы не забудем, их след везде – на фермах, в сёлах,
Добро веками помнить будем, их жизни блеск в глазах весёлых...*

8-е МАРТА...

*Весенний день, теплом согретый, сквозь годы прошлые пришёл,
Всегда стихами был воспетый, не умер он и не ушёл.
Подарком был он девам нашим, и это было много лет,
Вы в этот день моложе, краше, как в вазе собранный букет.
На лицах милые улыбки, духов пьянящий аромат,
Мы вас прощали за ошибки, тот день был радости парад...
Любимые, всегда родные, в глазах любовь без лишних слов,
Без вас мы айсберги немые, без вас - мы ноги без оков.
Мы с вами всё, мы вами дышим, болеем вами и живём,
Венец любви в руках колышем и песни добрые поём.
Вы наши милые созданья, мы вам целуем нежно руки,
Без вас нам горькие страданья и в сердце боль, и в жизни муки...
Мы к жизни чувствуем стремленье, любой из нас, как рыцарь - воин,
Любовь рождает вдохновенье, цветка любви любой достоин.
Вы в этот день, как лучик яркий, и солнышко нас нежно греет,
И он такой – любимый, жаркий, собою он всегда согреет.*

*Согреет нежною улыбкой, согреет жарким поцелуем,
В руках мы держим свою рыбку, на ушко что-то ей воркуя.
Пусть этот день, как юность наша, наполнит радостью сердца,
И на лице улыбка ваша, сияет светом без конца.
Мы с вами вечно молодые и с вами в радости живём,
Пусть многие из нас седые, но песнь любви всегда поём.
Пусть запах ландыша, сирени, скрывают снова ваши годы,
А дома музыка свирели, заглушит звуки непогоды.*

КОММУНХОЗ

*Вдоль дороги камень битый самосвалы высыпают,
Любеч будет не забытый, все уже об этом знают.
Тут и там снуют машины, всем командует Дужнов,
У людей застыли спины, всё понятно и без слов.
Кто гребёт, а кто кидает землю прямо на дорогу,
А другие нагребают и ровняют понемногу.
Как мозаику дорогу камнем бутовым уложат,
От порога до порога, в землю намертво заложат.
Путь весь пройден на коленках, потихоньку, только задом,
И не в розовых оттенках был для всех достойным вкладом.
Молотки и рукавицы, а в руках шершавый камень,
И темны от солнца лица, щёки яркие, словно пламень.
Мы смотрели на дороги, каждый метр давался трудно,
Бригадиры были строги, но ругали не прилюдно.
Любеч словно в паутину «повязала» мостовая,
И пошла по ней скотина, только лужи вспоминая.
Как накатана брусчатка! Всё вложили, как по нитке,
До сих пор я помню кладку, несравнима с кладкой плитки.
Били камень на коленях, подгоняли точно в стыки,
Ровно, словно доски в сенях, молча всё, без слов и криков.
Парк, аллеи, мостовые и канавы вдоль дороги,
И в жару морозы злые тех рабочих знали ноги.
Коммунальное хозяйство, добрым словом вспоминая,
Там трудились без зазнайства, всю работу понимая.
И вода, колонки, трубы, ямы, скверы, мостовые,
И в жару сухие губы, лица добрые, не злые.
Все прекрасно понимали, что без них всем трудно будет,
И свою работу знали, ту работу не забудут!
Власенко, Масан, Дужнов, Толя Доба и Карпенко,
И Клецун Иван, Сизов, Носик Валя, Коваленко.
И Залесский, и Решотко, Титенок, Подгорный Саша,*

*Были камнем - самородком, каждый был в работе краше.
Воду с крана набирая, видя старую брусчатку,
Тех людей я вспоминаю, с глаз смахнув слезу украдкой...*

23 ФЕВРАЛЯ...

*Кто форму в армии носил, кто пил из фляжки жадно воду,
Кто кросс бежал с последних сил и в жаркий день, и в непогоду.
Кто в карауле по ночам ходил по кругу с автоматом,
Чей пот, стекая по плечам, дух закалял, как жар булату.
Кто плац чеканил строевым и липкую жевал овсянку,
Полгода бегал «молодым» и жарился в горячем танке.
Кто звал девчонку по ночам, кому родная мама снилась,
И грусть гуляла по очам, когда друзья письмом хвалились.
Кто помнит горы и Афган и кто домой принёс седины,
Платок, засаленный тюрбан, «Аллах Акбар» с шипеньем мины...
И это наши пацаны, ещё вчерашние мальчишки,
В яруге рвавшие штаны, читавшие запоем книжки.
Мы нашей Родины сыны, мы нашей Родины солдаты,
Мы были гордостью страны, пусть к прошлому и нет возврата.
Но этот День никто не скроет, он в памяти простых людей,
Нам календарь его откроет, пройдя по кругу сотни дней.*

СЕЛЬХОЗХИМИЯ...

*Стоит ободранный забор, лежит кабина от машины,
И кто-то бродит, словно вор, на окнах сетки паутины.
Машины больше не помогут, и на заправке нет колонок,
Ворота больше не откроют, на привязи стоит телёнок.
Машин три сотни, трактора, и к ним десятки агрегатов,
В полях района до утра в путёвках лишь меняли даты.
Сейчас там только миражи, от тракторов витают тени,
Мух ловят юркие стрижи, для всех людей открыты сени.
Лицо я вижу Лавриненка, как страж, всегда он на воротах,
Зубаха Михаил, Ткаченко, Мороз Василь всегда в заботах.
Два Корня, Пищик, Мозговенко, и Фёдор Дрозд, и Жирибор,
Пинчук Володя, Максименко, они там ходят до сих пор.
И где-то там Маренец Надя машины в поле отправляет
И помнит номера не глядя, приёмник на столе играет.
Нет гаражей, и нет стоянок, и двери в мастерских открыты,
И тут и там следы от пьянок, и прошлое навек забыто...*

Но мы туда опять вернёмся и вспомним снова тех людей,
В былую жизнь чуть окунёмся, пройдем окраиной полей.
Цистерны вспомним с аммиаком, в мешках и россыпью селитру,
И на полях обилье злаков, садов и кормовых палитру.
Земля просила удобренье - и ей в обилии давали,
Оно давало рост растениям, об этом даже дети знали.
И цинк, и бор, железо, калий, и марганец, и медь, азот,
И с ними принцип гипсований, всё вместе урожай даёт.
Не знала техника простая, порой её и не глушили,
В страду не знал никто покоя, и ядами сорняк душили.
Был общий план для обработки, и в этом плане все колхозы
Тогда все плыли в одной «лодке», и не мешали ей «морозы».
И обработка ядом сева и по полям, и квадратурам
Смогла всегда сберечь посевы и урожай поднять культурам.
И долгоножки, и медведки, и совки, злаковые мухи,
Трипсы и тля в полях не редки, они туда несли разруху.
Сегодня Клонов и Редьковка, Малиновка и Петруши,
А завтра сад под Сидоровкой, оттуда в Скитьки поспеши.
Сегодня в баках гербициды заглушат весь сорняк по плану,
А завтра в поле пестициды жука потравят утром рано.
И кто за этим всем стоял, кого нам помнить вечно надо,
Кто рано с солнцем уезжал, и дождь с грозой был не преграда?
К машинам в поле приезжал Харламов Саша с бензовозом,
Затем обратно уезжал, и так он ездил по колхозам.
И каждый день на ГСМ Киреев списывал солярку,
Всё было чётко, без проблем, приход-расход, и марка к марке.
И с ним Маренец заправлял, он был отцом Маренца Коли,
Смолеговца и Бовду знал, и Огнивенка видел в поле.
А моторист Неумывака, Мажуга Гриша, Пучин Коля
За полчаса меняли траки - вся жизнь прошла в открытом поле.
Теперь лишь камни на брусчатке тех тракторов колёса помнят,
Пусть были те года не сладки, но мы должны людей запомнить.
Их труд был виден на прилавках, на полках сельских магазинов,
В зарплатах, премиях, надбавках, в запасах на зиму скотине.
И посмотрев на сад и поле, там пусто всё, лишь зайцы, птицы,
И ветру буйному там воля, зимой на солнце снег искрится.
А ночью свиньи землю пашут, трава всю почву заглушила,
Кузнечики на стеблях пляшут, земля навоз давно забыла.
Но верю я: придёт то время, закружат галки над полями,
Уйдёт в туман разрухи бремя, расстанется земля с цепями.
Заколосится вновь пшеница, не хватит мест для урожая,
От счастья засияют лица, и благодать пойдёт по Краю!

РЫБАКИ...

*Над разливом солнце светит, рыбаки на берегу,
Чибис клювом воду метит, пёс споткнулся на бегу.
Лодки сохнут кверху днищем, и костры везде горят,
Утка в ряске что-то ищет, вёдра над огнём висят.
В них кипит и пузырится, брызжет каплями смола,
Ей по днищам скоро литься, как водице со стола.
Солнце плечи нежно греет, от углей исходит жар,
С рюмки лица веселяют, душу тешит тот «нектар».
Разговоры о рыбалке, сети, сплав, река, ночёвки,
Позавидовать смекалке, крепким нервам и сноровке.
Но теперь все отдыхали, конопатили, смолили
И рыбалку вспоминали, как дитё, её любили.
Дома перебрали сети, челночком прошлись по дырам,
Мужики - большие дети, лучше воли нет кумира.
Дни прошли - и нет запрета, лодки спущены на воду,
Днепр встречает жарким летом и прекрасною погодой.
Ну а ночью будет сплав, лодки рыбаков готовы,
Сеть двойная, как удав, всю косу охватит снова.
К сетке шнур, к шнуру корзина – самый лучший поплавок,
Сеть нежна, как паутина, сыплют в воду поперёк.
Лодку волнами качает, тянут поплавки обору,
На косе судак играет - будет в сетке очень скоро.
А течение лодку тянет, надо сдерживать веслом,
Снова слабинку натянут, остановка за кустом.
Выбирают рыбу руки и опять корзину в воду,
Судаки, лещи и щуки, сом поймался, как колода.
Рыба собрана в корзины, сетка в ночвах на корме,
На полу савок с резины, вся работа в полной тьме.
Часто месяц помогает, на воде его дорожка,
Бакен с маяком встречают, светят лампами немножко.
А костры на берегу утро раннее встречают,
И туманы на лугу, молоком всё поливают.
Но одна хозяйка ночь быть не хочет им подругой,
Не готова им помочь, а столкнуть в воде друг с другом.
Их встречают лишь бобры, громко хлопая хвостами,
Для людей они добры, лишь едят кору с кустами.
Часто души веселят звуки песен у палаток,
У костров друзья сидят, рвут меха своих двухрядок.*

*Вынув с сумки тормозок, рыбаки нарежут сало,
В кружку «брызнут на глазок», выпив – выдохнут устало.
Вынув с пачки сигарету, закулив прищурят глаз,
Взглядом проведут комету, затянувшись пару раз.
Быховец, Люшня, Федяй и Шерепа, Надточей,
Коршун, Хвостик, и Турлай, и Кальпета, и Палей.
Коваленко и Карелин, и ещё имён немало,
Каждый в лодке словно Ленин - лодка вместо пьедестала.
Помню щук, лещей огромных, на возу сомов усатых
И линей размеров «скромных», карасей в мешке губатых.
Помню погреб, сани, двор и контору рыбколхоза,
Сети, лодочный мотор, палисад, цветы и розы...*

В ЛЕСУ...

*Пахнет лесом и сосной, светлый мох, на нём иглица,
В ямке прячется «косой», на суку лежит куница.
Возле пня свернулся уж, вонь стоит, не продохнёшь,
На песке следы от луж, грязь на обувь соберёшь.
Запах леса и смолы, шишка от сосны, как ёжик,
Сосен рыжие стволы, я достал с кармана ножик.
Возле пня здоровый гриб, ножка белая, как мел,
Чуть коленку не расшиб, словно вихрь к нему летел.
Шапка тёмная на нём, а по ней ползёт улитка,
Сбоку смотришь – добрый Гном, веселит своей улыбкой.
Вон и домик под кустом - муравейник за оградой,
Куст прикрыл его листом: дождь с жарой ему не надо.
А осинки и дубки и малинник под оврагом,
Где-то прячутся грибки, я иду неспешным шагом.
Лёжки, ямки от копыт, гильзы старые с двустволки,
Шкуры серой клок лежит, видно здесь гуляли волки.
Дальше «зонтики» стоят, срезал их и весь в чернилах,
Рядом старые лежат, шапки смотрятся уныло.
За акацией орешник, чёрный груздь листом прикрытый,
Мхом облепленный валежник, свиньями пенёк подрытый.
На сучок уселась сойка, синева видна на крыльях,
Верещит, стрекочет бойко, словно МиГов эскадрилья.
Дальше яма и низина, от ручья знакомый звук,
Чуть не влез я в паутину, как упырь сидит паук.
Лапы с палец, тёмно-серый, на спине огромный крест,
Он был в центре суеверий и хранителем тех мест.*

*Низом шёл я по оврагу, вышел к топкому болоту,
Там камыш, пеньки, коряги и в болоте «стонет» кто-то.
Газ болотный вверх выходит, поднимая с илом муть,
Марево повсюду бродит, создавая страх и жуть.
Я обратно возвращаюсь и иду тропинкой в лес,
Взгляд какой-то ощущаю, будто в спину смотрит бес.
Снова сосны и берёзы, за орешником дубочки,
«Зеркалом» сверкнули козы, вижу белые грибочки.
Вяхирь низко пролетает, ястреб по следам несётся,
Голубь жизнь свою спасает, тяжело побег даётся.
Дальше вижу грибников, переполнены корзины,
Меж малиновых кустов, вижу их платки и спины.
К ним неспешно подошёл, оказалось – все знакомы,
Показал им что нашёл и пошли все вместе к дому.
Шли по мягкому песку, бутерброды доедая,
Путь наваял нам тоску, день прошедший вспоминаем...
Как не хочется домой, лес для всех не просто сказка!
Там царит один покой, лес покрашен в детства краски...*

ВЕЧЕР...

*Вечер поздний, грубка греет, вьюга за окном лютует,
Светит лампа всё тусклее, на стекле мороз рисует.
Ветерок по половицам, между щелями гуляет,
Занавесочки из ситца, все окошки закрывают.
Снег сугробы намечает, замело во двор калитку,
В окна хлопьями кидает, за окном его в избытке.
Дверца в грубке приоткрыта, всё в огне, трещат дрова,
Юшка в комин чуть открыта, дым идёт туда едва.
В чугушке лежит картошка и поребринка, капуста,
Прогорят дрова немножко, им должно быть там негусто.
В чугунок зальют водичку, и поставят прямо в жар,
Мама сжарит по яичку, папа греет самовар.
Дома царствие покоя, снег кружится за окном,
Где-то пёс под ветер воеет и кот сморило сном.
Утром солнышко заглянет с первым лучиком в окно,
И морозный день настанет, лес укроется в панно.
И зальются громким криком на заборах петухи,
Водят кур с особым шиком эти чудо -женихи.
Задымятся снова печки, затрещат в огне дрова,
В банку с житом вставят свечку, придавив её едва.
День пройдёт и снова вечер, постучится ветер в дверь,*

*На столах зажгутся свечи, вьюга взвояет словно зверь.
Только дома грубка, свечка треск поленьев и покой,
Снег в сугробе под крылечком, за окном снежинок рой...*

ЧЕРЕЗ ДНЕПР В ГЛУШЕЦ ПЛЫВЁМ...

*Через Днепр плывём ватагой, под Глушцом нас ждут окопы,
Мы в решимости, отваге, что не скажешь – остолопы...
Ничего мы не боялись, шомпола, в руках лопаты,
Вместе, рядышком держались, общей целью все объаты.
Ноги дна уже коснулись, вот песок, кусты, отвалы,
Ветер свеж, мы как проснулись, вновь бодры и не устали.
Берег в лозах, и колючках, гильзы, пули и осколки,
С автомата гильзы в кучке, в них искала что-то пчёлка...
По ручью к Глушцу подходим, с криком озеро встречаем,
Каску ржавую находим, автомат найти мечтаем.
Оперение от мины, блиндажи, в кустах окопы,
Лист рессоры от машины, выбиты коровьи тропы.
Время всё песком укрыло, тень дремлет под кустами,
Кровь солдат дождями смыло, лезет ржавчина местами.
Шомпола в песок вгоняем, стук в железо, землю роем,
Смерть везде, мы с ней играем, там она гуляла с боем...
Вырываем слой за слоем, в полный рост уже копаем,
Палит солнце жарким зноем, ну а мы в войну играем.
Ржавый диск от автомата, штык, кусок от медной бляхи,
Гвоздь, сапёрная лопата и рукав гнилой рубахи.
Сотни гильз от трёхлинейки, в пачках целые патроны,
Довоенные копейки, мы копая, бьём поклоны.
Вдруг в песке находим фляжку, котелок, обломок ложки,
Котелок в зелёной краске, фляжка будто бы с обложки.
Два взрывателя с гранаты и кусок гнилой шинели,
Побросали мы лопаты, спины от жары вспотели.
Вдруг в песке мы видим кости, они в кирзовых ботинках,
Смерть пришла к солдату в «гости», принесла свинца в «корзинке».
Дальше медленно копаем, не лопатой, а руками,
Землю с ямы выбираем, что – то дальше движет нами...
Зеркальце и зажигалка, ржавый ножик и коптилка,
Стало горько, грустно, жалко, с наших лиц ушла ухмылка.
Раскопали мы солдата, ноги согнуты в коленях,
Рядом диск от автомата, принял участь он мишени.*

*Каска у виска пробита и оторванные руки,
В землю жизнь его зарыта, рано принял парень муки.
Мы надолго умолкаем, к горлу ком сухой подходит,
Яму быстро засыпаем, улыбаться не выходит.
Чей – то сын, погибший воин, не найдут его могилы,
Долгой жизни был достоин и жены красивой, милой.
Сколько их лежат в окопах? Без фамилий и имён,
Найденных в случайных копах, здесь их был последний стон.
К озеру назад выходим, как прекрасен наш Глушец,
Вдоль окопов старых бродим, «экспедиции» конец.
Больше землю не тревожим и не тронем больше павших,
С той поры копать не сможем, не разбудим вечно спавших.
Жизнь идёт, мы зажигаем, в воду прыгаем, резвимся,
Бегаем, кричим, играем, отдыхаем, веселимся.
К берегу Днепра подходим, поплывём назад обратно,
В воду дружно все заходим, в жаркий день и плыть приятно.
Золотарка и Головка, вот и наш любимый пляж,
Вдоль воды песочка бровка, вон и глины серый кряж.
Мы ещё тогда не знали, пляжа воды что скрывали,
Но когда о том узнали, руки, ноги задрожали.
Мины, ржавые гранаты, в метре под водой лежали,
Побросали их солдаты и они «кого-то ждали»...
Помню вертолёт, сапёров, нас чумазных пацанов,
И неделю разговоров, череду тревожных снов...
Вроде было всё недавно, но как быстро всё прошло,
С суетой смешалось плавно, в память людям не вошло.
Это лишь короткий миг, он сверкнул неповторимо,
Прошлых лет прекрасен бриг, величавый и любимый...*

ХОЧУ Я В ПРОШЛОЕ УЙТИ...

*Хочу я в прошлое уйти, хочу я в прошлое вернуться,
И детство с домом там найти, в былое время окунуться.
Там хочется найти друзей, найти отца, увидеть маму,
Закрыв глаза прижаться к ней, ведь этот миг был лучший самый.
По лугу хочется пройти, сходить в Кукары на болото,
Во мху маслёночек найти и повстречать в лесу кого-то.
На Бабицком разжечь костёр и посмотреть в ночное небо,
Там нет интриг и грязных ссор, там мир другой, там пахнет хлебом.
Хочу услышать соловья и посчитать года с кукушкой,*

*Увидеть с аистом поля и съесть солёную горбушку.
На берегу в песок залечь, смотреть на Днепр и слушать чаек,
В углях картошечку запечь, послушать там десятки баек.
С портфелем хочется пройти и не окончить больше школу,
В читальный зал опять зайти, попить ситро, не видеть колу...*

*Всё это было возле нас, но как-то быстро пролетело,
Оно бывает только раз, жаль задержаться не успело.
Нам нужно это вспоминать, нас окружало детства царство,
Оно не даст нам унывать, оно – бесценное лекарство.
Мы окунулись в грязный мир, в нём вирусом людей пугают,
Но всё пройдёт и будет пир, гармони громко заиграют.
На лицах взрослых и детей, увидим светлые улыбки,
Все выйдут дружно из сетей, Господь простит нас за ошибки...
30.03.2020г.*

ПАСХА...

*Ну как не вспомнить Праздник Пасхи: муку, горшки, яиц покраску,
В кастрюльке шелуху из лука и в печке жар, и мамы руки.
Давно уж тесто подошло и противень помазан салом,
Запечься времечко пришло, кастрюль везде стоит немало.
Ванильный сахар и изюм, растоплено коровье масло,
А в голове парад от дум, плохих там нет, они угасли.
Все ждали Праздник целый год, на вербное вербу срезали,
В четверг купался наш народ и в Храм на службу все бежали.*

*Іде по світу Великдень і крашанки посвітять, паски,
За стіл рідня сідає вдень, у кожний двір заходь будь ласка!
Закінчився Великій Піст, посаджені уже городи,
На деревах пробився лист, душа радіє від погоди.
Радіє серце над усе, та хай радіє Україна,
Хай мир нам небо принесе, батьки нехай обіймуть сина!!!*

НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...

*Тепло витает по землянке, играет парень на тальянке,
А на верху снежок летает, дрова в печурке догорают.
Солдаты спят и громко дышат, холодный ветер дверь колышет,
А кто-то чистит автомат, сложив все части на бушлат.*

*Шипят снующие ракеты, под снегом прячутся секреты,
А трассу пулемёт рисует, со страхом фриц всю ночь воюет.
Война ворвалась чёрной птицей, в печаль одела людям лица,
Открыла двери в их дома и многие сошли с ума.
Врата открыла в мир забвенья, быть может есть там утешенье,
Там есть и рай, но есть и ад, и не найти пути назад.
В тот мир ушли наши солдаты, им больше нет назад возврата,
Их след в песке, следы на травах, а души бродят по дубравах.
Фамилий нет и нет имён, настал для них последний сон,
Они одни и без подруг, лишь ветер им, как лучший друг.
Остались лица их на фото, те снимки живы у кого-то,
Живые с них на нас глядят и каждый взгляд теплом объят.
Летят их души над Днепром, для многих Ржев последний дом,
Под Харьковом белеют кости, с войной ушло и бремя злости.
Их подвиги порой забыты, страницы хроники закрыты,
Залиты краской имена, со лжи построена стена.
Ведь был Майданек и Освенцим, они бельмом лежат на немцах,
За Треблинку, Варшавы гетто, никто не дал сполна ответа.
Нельзя забыть детей Хатыни, их души там кричат и ныне,
А в штольнях шахт под Краснодоном на стенах кровь, витают стоны...
Туркенич Ваня, Земнухов, Ульяна Громова, Машков, Шевцова Люба,
Кошевой вели с врагом незримый бой.
Залита кровью Украина, не многие дождалась сына, не многие
дождались дочь, для тех семей настала ночь.
Нельзя забыть нам Ковпака, войны героя, земляка,
В тылах он рейды проводил, на немцев ужас наводил.
И Любеч много дал героев, нам нужно помнить этих воев,
Нельзя забыть нам их имён и низкий им земной поклон!
Моссе, Павленко, Кочерга, их помнит Курская дуга,
Их помнит Киев, Сталинград и Ковель, Львов, и Ленинград.
Олейник, Томаш, Македон, всю жизнь им снился страшный сон.
Огнённый смерч и скрежет танков и на катках людей останки...
Нельзя забыть и молодёжь, её косили словно рожь,
Как скот в Германию погнали, на рабский труд детей загнали.
Всё это Любеч древний видел, врага до боли ненавидел,
Сюда с разрухой тот пришёл, искал добро, но смерть нашёл.
Оставил гарь, в руинах сёла, горели люди, храмы, школы,
Поля горели и леса, шла смерти чёрной полоса.
Леськовка, Гута, крик детей, не избежали тех сетей,
Живьём детишки там горели, на муки их враги смотрели.
Мне б посмотреть врагу в глаза, осталась, может, там слеза?!
Её там нет, сухи глазницы, на черепа похожи лица,*

*И мёртвый высушенный взгляд, от рук кровавых страшный смрад...
Врагу мы землю не отдали, в окопах гнили, умирали,
С Отчизны выгнали врага, пустился он от нас в бега.
И пусть враги одно запомнят: мы можем слёзы долго помнить,
И будем помнить деток Гуты, в куски порвём любые путы.
Наш мир древней, чем вся Европа, до Киева велись все тропы,
Все знали Киевскую Русь, по праву этим я горжусь!
А наш народ непобедим, Он Богом избран и храним!
И будет жить Он в Вечной Славе - Великой Нации Державы!!!*

ЧЕРНОБЫЛЬ...

*Чернобыля мы помним боль, она как эхо Хиросимы,
От слёз людских на травах соль, в лесах от сёл лежат руины.
В минуты был погублен Край, в забвение ушло Полесье,
Забрал Господь там многих в Рай, вела дорога в Поднебесье.
Сейчас там серый саркофаг, как памятник гнилой системы,
На въезде в зону жёлтый флаг, УАЗ везёт охраны смену.
Там раньше город бурно жил и в детский сад вели детишек,
Он как цветок Полесья был, о нём писали сотни книжек.
Ходили в школу и кино, в отстойнике сомов ловили
И пили сладкое вино, красивых девушек любили.
В апрельский день раздался взрыв и белый гриб поднялся в небо,
И гул сирен завёл мотив, и ядом стал кусочек хлеба.
Нагнали тысячи солдат, людей поспешно вывозили,
Стоял вокруг лишь крик и мат, слова хорошие забыли.
Всё это было так давно, но кто живой – об этом помнит,
То было страшное «кино» и нужно всем его запомнить!
Забрал Чернобыль Любечан, ушли из жизни молодыми,
Им был приказ последний дан, лишь Бог один стоял над ними.
Их надо вечно вспоминать, а нам сейчас те лица вспомнить,
Кто жизнь отдал – тех поминать, а тот «урок» навек запомнить!!!
26.04.2020г.*

ПЕРВОМАЙ...

*Встречал нас песней Первомай и тёплым солнышком весенним,
Каким цветущим был наш Край, он самый лучший во Вселенной!*

*Все собирались на парад, шары и ленточки пестрели,
На каждом лучший был наряд, повсюду шли и песни пели.
Колоны шли со всех концов, плакаты, стяги впереди,
Награды дедов и отцов сверкали ярко на груди.
Весёлый щебет детворы, банты, как яркие букеты,
Флажки, пищалки и шары, от них так много было света!
Затем был митинг и концерт, ДК забит, в фойе стояли,
И хор поющий, как мольберт, на сцене весело плясали.
Затем все шли на цвинтар, замок, на стадион и в лес под Горки,
И не было запретных рамок, людьми пестрели все пригорки!
И люди дружно веселились, их солнышко лучами грело,
Рекой напитки бурно лились, вокруг всё в радости кипело!
Давайте будем веселиться, а старше кто – те годы вспомним,
И ни на что не будем злиться, потомкам жизнь свою напомним...*

МНЕ ДАВНО УЖЕ НЕ ТРИДЦАТЬ...

*Мне давно уже не тридцать и давно не сорок пять...
Знать бы мне, как помолиться, чтобы всё вернуть опять!
Детство, юность, летний вечер, безмятежность, громкий смех,
Милой взгляд, улыбки, встречи, поцелуй, как первый грех!
Хоть на миг бы окунуться в тот далёкий сладкий сон,
Бурной младости коснуться, и ошибки выгнать вон.
Лишь на час вернуть то время, всё осмыслить и понять,
Обойти дурное бремя, страсти пылкие унять.
Со счетов списать ошибки и не гнать вперёд коней,
Видеть грязь с дерьмом в улыбке и решить, что делать с ней.
Свой корабль отправить в море, по фарватеру пройти,
На пути не видеть горя и себя скорей найти.
Не петлял бы я напрасно, дни, как золото, берёг,
Жил бы там, где было ясно, не менял бы сто дорог.
Мне давно уже не тридцать и давно не сорок пять,
И порой не крепко спится, не дают мне мысли спать.
Часто мы идём в тумане, спотыкаясь по пути,
Всем крича, что мир в кармане, но от правды не уйти!
Краток путь – не бесконечность и на нём не сто дорог,
Не попасть богатству в вечность, с ним не пустят на порог...*

СЕСТРИЧКА...

*Бушует бой, ползёт сестричка и тянет сумку, автомат,
Большая тяжесть с непривычки, ползёт вперёд – нельзя назад.*

*Шипят в грязи осколки, пули, разрывы всё вокруг трясут,
Там многие навек уснули и многие ещё уснут...
В воронке с раненым девчушка, лицо в слезах и в глине щёки,
В большой шинели, как старушка, сидеть бы в школе на уроках.
Кричит: «Мой миленький, прости!» И рвёт проворно гимнастёрку,
А он ей шепчет: «Отпусти, не трать ты времечко без толку!»
Ты только обними меня и поцелуй легонько, нежно,
Ты будешь первой у меня, я бы любил тебя безбрежно...
Девчонки губы прикоснулись к его недвижимым губам
И губы будто бы очнулись, и он на миг очнулся сам.
Застыла на лице улыбка, застыл в глазах прощальный взгляд,
Вся жизнь похожа на ошибку, прошла без пиршеств и наград.
Прошли года, идёт старушка, вся грудь в медалях, орденах,
Сестричка наша – хохотушка, с улыбкой светлой на губах.
И сколько их сейчас осталось - любимых наших ветеранов,
Но что же им сейчас досталось - смерть в нищете и с болью раны?!
Простите нас, что не смогли, отдать Вам то, что заслужили,
В разруху Вам не помогли, да что сказать – о Вас забыли!
Все побеждённые сейчас живут над нами насмехаясь,
Им не считают свет и газ, они живут в деньгах купаясь.
Осталось очень мало Вас, в шкатулках письма и медали,
За жизнь свою – ПРОСТИТЕ НАС! Мы сами в эту жизнь попали...*

07.06.2020 (ИВАН ЧАЙ) В.Пономаренко